

Жорж Кор

ОСЬМИНОГ

18+

ТЁМНАЯ ЭРОТИКА. МИСТИКА. ОДЕРЖИМОСТЬ.

Жорж Кор Осьминог

<https://litres.ru/74158753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Новый эротический рассказ Жоржа Кора, в котором ревность, измена, мистическое наваждение и потайные фантазии превращаются в опасную игру.

Она — красивая и успешная женщина-психолог, привыкшая говорить о честности, желаниях и внутренних границах. Он — её муж, который однажды уже простил ей виртуальный роман с загадочным Филиппом.

Казалось бы, эта история осталась в прошлом. Но на новогоднем собрании психологов в роскошном загородном отеле появляется мужчина, который тоже называет себя Филиппом.

Сначала это кажется странным совпадением. Потом — легким флиртом. Потом — унижением, которое хочется прожить каждой клеткой своего тела.

«Осьминог» — эротическая новелла о браке, мужском достоинстве и темной стороне настоящей любви.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Жорж Кор Осьминог

Глава

Моя жена проснулась раньше меня, что само по себе уже было событием. Обычно я первым слышал, как за окном, еще в темноте, скребутся дворники, и видел, как первые лучи солнца покрывают наш огромный город, возвещая об еще одном дне, который для кого-то будет счастливым, а для кого-то – ужасным. Но в тот день, едва я открыл глаза, она уже ходила по комнате и повторяла речь.

— Коллеги, мы все понимаем, что работа с человеческой психикой требует не только профессиональных знаний, но и особой честности перед собой...

Она остановилась, нахмурилась, покачала головой и начала заново.

— Дорогие коллеги, мы все понимаем...

Она пыталась говорить уверенно, почти торжественно, но было видно, что она нервничает. Вечером ей предстояло выступать на ежегодном собрании психологов. Для этого праздника сняли загородный отель: большой, дорогой, с мраморным холлом, стеклянными дверями, рестораном, конференц-залом, баром и роскошными номерами.

Моя жена уже десять лет вела частную практику. У нее были клиенты, репутация и коллеги, которые при встрече целовали ее в щеку. Она входила в организационный комитет ежегодного собрания, помогала составлять программу, выбирать ведущих, придумывать конкурсы. В общем, была не просто гостьей, а частью этого праздника.

И поэтому в то утро я был предоставлен сам себе.

Завтрак я готовил один. Яичница подгорела, кофе убежал, хлеб внезапно закончился. Жена не замечала моих кухонных стенаний по всем этим поводам. Она ходила из комнаты в комнату, повторяла речь, меняла интонации, останавливалась перед зеркалом, смотрела на себя и снова начинала:

— Честность перед собой — это не красивая фраза, а ежедневная практика...

Единственное, что мирило меня с этим утренним беспорядком, было то, что репетировала она совершенно голой.

Она считала, что это приносит удачу.

Да, психологи могут сколько угодно объяснять вам природу суеверий, но сами они не менее зависимы от своих ритуалов. Одни не садятся спиной к двери. Другие везде носят «счастливую» ручку. Моя жена, если ей предстояло важное выступление, репетировала без одежды. Говорила, что так чувствует себя комфортнее.

Я, честно говоря, никогда не возражал.

Она была красивой, женственной, сексуальной. Когда она проходила мимо меня, репетируя свою речь, я ловил себя на

том, что смотрю на нее так, будто за плечами не было десяти лет брака.

Закончив репетицию, она наконец начала одеваться.

Я знал, что она обязательно покажет мне белье. Пройдет мимо, как бы случайно. Она всегда умела привлечь внимание, не давая явных поводов глазеть на нее.

Так случилось и в тот раз.

На ней были тонкие черные стринги и бюстгальтер, которые по-настоящему ничего не скрывали. Она прошла через кухню, остановилась у окна, подняла волосы, заколола их и спросила:

— Как думаешь, волосы лучше собрать или оставить так?

Я не ответил сразу.

— Собрать, — сказал я наконец. — Так ты строже выглядишь.

— А мне сегодня нужно быть строгой?

— Тебе сегодня нужно быть безупречной.

Она улыбнулась.

— Такой ответ мне нравится.

Она отправилась в спальню выбирать платье. Я пошел за ней. Она стояла перед шкафом, перебирая вешалки. На кровати уже лежали колготки, украшения, маленькая сумочка, какие-то бумаги, блокнот с тезисами выступления. В комнате пахло ее духами.

Я подошел сзади и положил руки ей на бедра.

Она не пошевелилась. Я решил, что это хороший знак. Я

провел ладонями ниже и сжал ее ягодицы. Во мне мгновенно поднялось желание «наказать» ее здесь и сейчас. «Наказать» за то, что думает не обо мне, а о своем выступлении.

Она повернула голову чуть в сторону и сказала спокойно, почти ласково:

— Ты знаешь, — она сделала паузу. — Это не для тебя.

Фраза упала на меня будто кирпич на голову.

Я убрал руки не сразу. Сначала они похолодели.

— Что? — спросил я.

— Я сказала: это не для тебя.

Эти слова уже однажды звучали в нашем доме.

Ровно год назад я застал ее в спальне. Дверь была слегка приоткрыта. Я вошел без стука, как входит муж в свою комнату, к своей жене.

Она стояла у зеркала полностью раздетая и фотографировала себя на телефон.

В ее позе было ожидание чужого взгляда. Она чуть выгибалась, поворачивала бедро, опускала подбородок, играла со своей грудью свободной рукой. Потом смотрела на снимок и делала новый.

— Что ты делаешь? — спросил я.

Она вздрогнула, резко обернулась, и в ее лице я увидел не стыд, а раздражение. Будто я помешал ей, а не застал ее за чем-то постыдным.

— Ты знаешь, это не для тебя, — огрызнулась она тогда.

Позже, после долгого разговора, моих вопросов, ее слез,

моих криков, ее объяснений, выяснилось, что у нее был роман. Виртуальный, как она сказала. Будто это что-то меняло. Будто если мужчина находится в другом городе, если он не трогал ее руками, если между ними были только сообщения, фотографии и поздние разговоры, то измена становится ненастоящей.

Его звали Филипп.

Она утверждала, что была уверена: я знаю. Что я догадываюсь. Что мы давно живем в таком браке, где многое не произносится, но как будто разрешается. Это было неправдой. Я не знал. Или, может быть, просто не хотел знать.

Она показала мне переписку. Не всю, конечно. Достаточно, чтобы я понял главное: с ним она была другой. Не женой, не хозяйкой, которая безупречно готовит спагетти, не специалистом с дипломом на стене. Она была женщиной, которая хотела, чтобы на нее смотрели. Хотела, чтобы ее называли словами, которые я никогда не произносил. Хотела быть желанной до неприличия.

Тогда наши отношения должны были закончиться.

Но они не закончились.

Не знаю почему. Может быть, я испугался одиночества. Может быть, она слишком хорошо знала, как манипулировать мной. Она была психологом не только с клиентами. Она умела говорить так, что виноватым постепенно начинал чувствовать себя тот, кого ранили. Она плакала, объясняла, просила, клялась, что все закончено. Она при мне заблокировала

ла Филиппа, удалила чат, установила на свой телефон новый пароль и сообщила его мне.

И я остался.

Со временем эта история забылась, будто скрылась под толщей воды новых дней, новых переживаний и радостей. Не исчезла, а притаилась на дне, покрылась илом. Я почти перестал думать о Филиппе. Почти перестал представлять, какие фотографии она ему отправляла. Почти перестал слышать в голове ее голос:

«Ты знаешь, это не для тебя».

И вот теперь она сказала это снова.

В нашей спальне. У шкафа. В черном белье. Утром перед новогодним праздником психологов.

— А для кого же? — спросил я.

Она наконец повернулась ко мне. На лице у нее была улыбка.

— Прости, я не подумала, что сказала. Но, я думаю, ты понял, что я имела в виду.

Я все понял. В тот момент она думала только о выступлении. Мне пришлось с этим смириться.

— Какое платье? — спросила она, снова повернувшись к шкафу. — Серебристое или черное?

— Черное.

— Почему?

— В нем ты выглядишь сногшибательно.

Ей понравилось.

— Значит, черное.

Вечером, когда она вышла к микрофону, я понял, что был прав.

Платье подчеркивало каждый изгиб ее тела. Собранные волосы обнажали изящную шею. На ушах блестели длинные серьги. Голос сначала чуть дрожал, потом окреп, и через несколько минут зал уже принадлежал ей.

Я сидел в третьем ряду и смотрел, как на нее смотрят другие.

Это странное чувство — видеть свою жену в центре внимания. Мужчины скорее не слушали ее, а внимательно рассматривали. Женщины слушали и оценивали. Она говорила о честности, о внутренних границах, о том, как важно признавать свои желания, даже если они пугают.

— Непрожитое желание, — сказала она, глядя в зал, — не исчезает. Оно ищет обходные пути.

Люди закивали.

Я почувствовал, как у меня пересохло во рту.

После выступлений началась игровая сессия. Психологи разделились на команды, разбирали случаи из практики, спорили, смеялись, писали что-то на флипчартах. Главным призом была поездка на японский остров Химакадзима на новогодние каникулы. Моя жена носилась между столами, шутила, поправляла микрофон ведущему, помогала считать баллы.

Я ушел в бар.

Бар в отеле был полутемный. Внутри стояли мягкие кресла, висели современные лампы. Я заказал виски. Потом еще один. Потом стал рассматривать официанток. Где-то рядом смеялись две женщины. В большом окне отражался зал, огни, елка, моя собственная фигура с бокалом в руке.

Рядом сел мужчина.

— Не помешаю?

— Нет, — сказал я.

Он заказал коньяк, снял пиджак, аккуратно повесил его на спинку стула. Был он лет сорока или чуть старше. Симпатичный, но не красивый. Из тех мужчин, которые располагают к себе спокойными манерами. Опрятно одет, мягкий голос, добродушный взгляд. Он никуда не торопился, наслаждаясь каждой минутой того вечера.

— Филипп, — сказал он, протягивая руку.

Я рассмеялся.

Сначала тихо. Потом громче. Потом так, что бармен поднял на меня глаза.

Филипп очень удивился.

— Простите, — сказал я, вытирая глаза. — Просто у меня с этим именем, — а оно довольно редкое, согласитесь, — связана одна идиотская семейная история.

— Надеюсь, не слишком трагическая?

— Не слишком.

И я рассказал ему.

Не знаю зачем. Наверное, алкоголь развязал язык. Мо-

жет быть, мне хотелось превратить боль в анекдот. Я рассказал про прошлый год, про фотографии, про виртуального любовника, которого тоже звали Филиппом, про утреннюю фразу жены. Рассказал даже больше, чем собирался. Он слушал внимательно, изредка кивая.

Когда я закончил, он улыбнулся.

— Забавно.

— Забавно? — спросил я.

— В смысле — странно. Странное совпадение. Если вообще верить в совпадения. Любое событие неизбежно, иначе его бы не произошло.

— Вы тоже психолог?

— Да.

Я снова рассмеялся.

— Конечно. Куда же без этого.

— Частная практика, — сказал он. — Работаю в основном с парами.

— С парами?

— С их желаниями, которые они скрывают друг от друга.

Я почувствовал, что Филиппу можно доверять.

— Хотите, покажу вам мою жену? — сказал я вдруг.

— Хочу.

Мы вышли из бара как старые знакомые.

В этот момент моя жена стояла у сцены и получала диплом за занятое второе место в какой-то очень сложной психологической игре. В руках она держала конверт бирюзового

цвета. Она смеялась и принимала поздравления. Когда она увидела меня с Филиппом, ее улыбка на долю секунды изменилась. Как будто она увидела то, чего не ожидала.

— Познакомься, — сказал я бодро. — Филипп.

Она протянула ему руку.

— Очень приятно.

— Мне тоже, — сказал он.

Он держал ее руку чуть дольше обычного. Совсем чуть-чуть. Настолько, чтобы я заметил. Настолько, чтобы она могла сделать вид, что не заметила.

— Вы выступали прекрасно, — сказал он.

— Спасибо.

— Особенно про глубинные неисполненные желания.

Она посмотрела на него внимательнее.

— Вам это близко?

— Это всем близко. Просто не все готовы признаться себе в этом.

Я стоял рядом и улыбался поддельной улыбкой.

— Пойдемте выпьем, — предложил я.

В баре они начали разговаривать.

Сначала о профессии. О клиентах. О том, как люди лгут себе и называют это верностью. О том, что в браке иногда важнее не правда, а договоренность о том, какие виды неправды допустимы. Я пытался вставлять реплики, но быстро понял, что просто мешаю им. Они говорили как два человека, чей разговор начался задолго до этого. Не здесь, а

где-то еще, в месте, которое знали только они двое.

Жена сначала сидела прямо, положив ногу на ногу. Потом расслабилась. Потом повернулась к нему всем корпусом. Потом убрала волосы с шеи. Я видел эти маленькие знаки, потому что знал ее тело лучше, чем ее мысли.

Время стало тянуться.

Я ждал момента, когда я смогу вмешаться и вернуть все в привычный порядок.

Но привычный порядок, кажется, был утерян навсегда.

Филипп положил руку ей на колено.

Это произошло быстро. Жена не убрала его руку.

У меня внутри что-то оборвалось.

Я посмотрел на его руку. Потом на ее лицо. Она продолжала слушать. Губы были чуть приоткрыты. Глаза блестели. Она знала, что я все вижу. Знала, но не смотрела на меня.

Я достал телефон и постарался сделать фотографию, чтобы они не заметили.

Не знаю зачем. Как доказательство? Для завтрашнего разговора? Чтобы ткнуть ей в лицо и сказать: «Вот. Видишь? Я не сумасшедший». Или чтобы сохранить этот момент, потому что я долго его ждал? Ждал, потому что хотел снова почувствовать себя живым? Чувствующим? Снова хотел почувствовать ревность?

Потом его рука оказалась в ее руке.

Потом обе ее руки были в его ладонях.

Они продолжали говорить. Я почти не слышал слов. Толь-

ко отдельные обрывки:

— ...граница не всегда там, где мы думаем...

— ...желание партнера может быть частью твоего желания...

— ...стыд часто охраняет вход туда, где на самом деле живет свобода...

Я выпил еще.

В соседнем зале началась музыка.

Кто-то позвал всех на дискотеку. Люди зашевелились, засмеялись, потянулись к выходу из бара. Жена встала первой. Филипп помог ей подняться. Она не возразила.

Свет мигал синим и красным. Музыка била в грудь. Люди танцевали в ритм музыки. Моя жена и Филипп двигались, ловя ритм друг друга.

Он не хватал ее. Не тащил к себе. Он просто был рядом, оставляя ей возможность постепенно сокращать расстояние между ними. Ее спина касалась его груди. Его ладони скользили по ее талии. Она запрокидывала голову и смеялась. Когда он наклонился к ее шее, она не отстранилась. Наоборот, будто замерла, чтобы ему было удобнее... поцеловать ее.

Я стоял у стены.

Меня немного качало. Но я видел все ясно. Слишком ясно.

В какой-то момент жена посмотрела на меня поверх его плеча.

Не виновато. Не испуганно. Не вызывающе.

Она смотрела так, будто спрашивала: «Ну? Ты наконец понял?»

Я понял.

Я не подходил к ним, потому что хотел смотреть.

Это признание меня шокировало.

Филипп провел ладонью по ее бедру. Потом он двумя руками сжал ее попку. Она закрыла глаза. Я почувствовал, как во мне одновременно поднимаются злость, ревность, стыд и возбуждение. Все смешалось у меня перед глазами. Я не мог отделить одно от другого. Я хотел подойти и ударить его. Хотел увести ее. Хотел, чтобы она остановилась. Хотел, чтобы он продолжал.

Потом они прошли мимо меня.

Близко. Так близко, что край ее платья коснулся моего колена.

Она не сказала ни слова.

Филипп тоже.

Они направились к лифтам.

Я шел за ними на расстоянии. Лифт закрылся, но над дверьми его загорелась цифра 3.

Я поднялся по лестнице.

На третьем этаже было тихо. Ковровая дорожка глушила шаги. Из-за одной двери доносился смех, где-то работал телевизор, пахло шампанским. В конце коридора я увидел, как закрывается дверь номера.

Не до конца. Она осталась приоткрытой.

Я подошел и остановился.

Сердце билось так сильно, что я боялся: они услышат. Рука сама легла на ручку двери. Я толкнул ее на несколько сантиметров.

Сначала я увидел белую кровать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.